

Глава 9: Чудовище

Его пробудили от долгого сна мягкие, тонкие слоги парселтанга.

:...Гарри, Гарри Поттер...:

Это имя. Он знал это имя.

— Не Гарри! Пожалуйста... смилуйся... Не Гарри! Пожалуйста — я на всё пойду!

Гарри Поттер. Мальчик, которого он обрек на смерть. Мальчик, который, очевидно, выжил.

Вскоре он понял, что произошло. Воспоминания о той ночи сначала были фрагментарными, едва связными, но, наблюдая за миром глазами этого ребенка по имени Гарри, всё стало ясно.

Лорда Волдеморта одурачили. Судьба посмеялась над ним, и он принял вызов, только чтобы быть низвергнутым родственницей Судьбы — Иронией. Его тело было отнято у него собственным проклятием, а этот беспечно невинный ребенок жил, тогда как он — нет; вместо того, чтобы предотвратить свое поражение, он его спровоцировал. Лорд Волдеморт был уничтожен, его тело разбито, а душа разорвана — но он не был побежден.

«Душа — любопытная вещь. Хотя мое понимание этого ускользающего понятия легко превосходит всех, кто был до меня, я вынужден признать, что ее тонкости по-прежнему остаются для меня загадкой. Кто знал, что можно случайно создать крестраж? Уж точно не я».

Ибо именно этим он и являлся. Он не был главной душой Лорда Волдеморта — он был лишь осколком, надежно укрывшимся в разбитой душе шестилетнего Гарри Поттера. И какая же это была душа; никогда прежде он не встречал нечто столь аномальное, столь неожиданное. Это было нарушением природы, столь же странным, как крестраж, и могло быть лишь делом рук исключительно талантливой ведьмы или волшебника.

«Я ненадолго рассмотрел возможность вмешательства Дамблдора, подстроившего душу мальчишки Поттера в попытке обеспечить поражение Лорда Волдеморта, но быстро отбросил эту теорию — ибо шедевр, каковым являлась душа Гарри Поттера, нес на себе отпечаток юности и отчаяния, а мазки кисти выдавали художника, чья душа и магия были уже тесно переплетены с душой мальчика. Вмешательство в душу Гарри Поттера было порождено не козни старика — его родила любовь матери».

«Знала ли Лили Поттер? Знала ли она, что ее отчаянный эксперимент спасет жизнь ее сыну, превратив его при этом во что-то столь... сломленное? Грязнокровка могла быть рождена испорченным созданием, но нельзя было отрицать мощь ее крови и магии, ингредиенты каких-то ловких чар, что она создала в своей дерзкой попытке спасти семью».

«Пусть никто не говорит, что Лорд Волдеморт не воздавал должное, где того заслуживали; ибо в той безмолвной тюрьме, в самых темных глубинах детского разума, у него ничего не оставалось, кроме как вспоминать, анализировать и понимать — и он вынужден был признать, что из всех его врагов Лили Поттер была самой опасной. Она, должно быть, была выдающейся волшебницей, и он недооценил ее. Возможно, это была самая большая ошибка, которую он когда-либо совершал».

«Легко было совершить эту ошибку. Он слышал о ней мельком — но то, что он слышал о блестящей юной грязнокровке, уже в нежном возрасте девятнадцати лет опубликовавшей свою

первую академическую работу, легко затмевалась большой тенью ее мужа, дерзкого стажера-автора Джеймса Поттера».

«Нет, большая часть того, что он знал об этой девушке, исходила из рутинных копаний в разуме Северуса. Милая Лили Эванс. Северус воспринимал ее столь восторженно — он смотрел на нее, как на святую; белую лилию, неиспорченную миром. Как же он ошибался. Интересно, имел ли представление Северус, что его подруга детства была способна на эксперименты над душой собственного сына в отчаянной попытке спасти его жизнь?»

«Ибо именно это она и сделала. Нельзя превратить любой объект в крестраж — необходимо совершать ритуалы, приносить кровавые жертвы — на это требовалось время и усилия. В конце концов, если бы это было легко, все бы так поступали».

«Ну, возможно, и нет, но все же — есть причина, по которой он был единственным волшебником, создавшим крестраж за столетия. Его душа, возможно, и была хрупкой после создания пяти крестражей, но невозможно было, чтобы грубая магия, вроде Авада Кедавры, смогла совершить тонкое искусство разделения души и отсечения ее фрагментов, и невозможно было, чтобы тело младенца испускало достаточно сил, чтобы удержать один из этих фрагментов без всякой подготовки».

«Нет, душа мальчика должна была быть изменена с самого начала, искривлена редчайшими видами магии. Он и сам наткнулся на это — слухи о магии, еще более странной, чем крестражи, способной гнуть душу, делать ее мягкой, твердой, пластичной или хрупкой».

«Каким-то образом рыжеволосой грязнокровке удалось это, а единственным оставшимся свидетельством были мощные нити ее магии, которые он обнаружил, дремлющими в расщелинах между душой Гарри и его собственной».

«Это была древняя и запретная магия — ее целеустремленная преданность сыну, несомненно, питала это впечатляющее достижение — преобразование его души в плотную, мутантную сущность, какой она являлась теперь, а ее смерть стала последней печатью; ее собственная жизнь, магия и душа обняли его и закрепили его».

«Результатом стала массивная, яркая душа, неестественно сплавленная с земной формой мальчика, расколота его убийственным проклятием, но все же в основном целая. Понадобится время, чтобы полностью понять масштабы магии Лили Поттер, но пока он мог лишь строить догадки и наблюдать, как будут проявляться симптомы, ибо они несомненно будут».

«Душа была неразрывно связана с магией и разумом, а разум был переплетен с телом через, возможно, самый деликатный человеческий орган — мозг. И было так просто изменить мозг, с катастрофическими последствиями. Он не был глупцом; он знал, что пожертвовал частью душевной стабильности ради гарантий, которые давали ему крестражи».

«Но Гарри Поттер — он будет расти и развиваться, а чужая, мутантная магия будет просачиваться в его разум, искажая его мысли и поляризуя эмоции. Он будет навечно изменен комбинированным воздействием его матери и того, кто хотел его убить, и наверняка будет страдать от этого».

«Если бы только Лили Поттер знала, какое чудовище она создала. Возможно, было бы милосерднее позволить мальчику умереть».

<http://tl.rulate.ru/book/105065/3756679>